

Чу Юнь глубоко погрузился в мягкие подушки дивана, и холодный, мертвенный свет экрана телефона отражался в его плотно сдвинутых, нахмуренных бровях.

Дверь тихо открылась. Увидев сидящего в полумраке Чу Юня, Ши Цзянь замялся на пороге, не решаясь войти.

- Что такое? - Чу Юнь даже не поднял головы, и его голос прозвучал пугающе холодно. - Разочарован, увидев меня на моей собственной территории?

В комнате на мгновение воцарилась тяжелая, неловкая тишина, в которой, казалось, можно было услышать каждое движение воздуха.

Спустя некоторое время Ши Цзянь всё же преодолел нерешительность, подошел ближе и тихо, почти шепотом, спросил:

- Ты ел?

Чу Юнь насмешливо скривил губы, и эта гримаса была полна горечи. Он медленно откинулся назад, по-хозяйски раскинув руки по спинке дивана. Хотя он смотрел на Ши Цзяня снизу вверх, весь его взгляд был пропитан таким высокомерием, словно он взирал на собеседника с недостижимой высоты.

- Неужели такая мелочь достойна того, чтобы о ней беспокоился великий кинозвезда?

Каждый раз, когда Чу Юнь использовал слово «кинозвезда», чтобы уколоть его, Ши Цзянь лишь тяжело вздыхал про себя, принимая этот удар. Но в этот раз он не смог остаться таким же спокойным и безучастным, как обычно. Его сердце сжималось от мысли о том, сколько неприятностей он доставил Чу Юню.

Вчера, когда они только вернулись из Гента, его грубо оттолкнули, и Чу Юнь долгое время оставался в полном одиночестве, запертый в своем гневе.

Телефон Ши Цзяня был разбит в порыве ярости Чу Юня, ему строго запретили покидать пределы резиденции Чжоуинь, а Чжоу Ян, по всей видимости, получил четкий приказ даже не

приближаться к нему. В этом огромном, роскошном поместье Ши Цзянь чувствовал себя так, словно оказался на необитаемом острове посреди бескрайнего океана.

В любое другое время Ши Цзянь не стал бы из-за этого тревожиться. Он никогда не был зависим от электронных устройств и гаджетов, а тишина и уединение всегда были для него временем истинной свободы и покоя.

Но в этот раз всё было иначе.

Последние новости совершенно лишили Ши Цзяня аппетита. И дело было даже не в резких, публичных оскорблениях, а в том, как изменилось отношение Чу Юня к нему. Из-за этого Ши Цзянь впервые... поймал себя на пугающей мысли...

Если бы только я послушал Чу Юня и не согласился на роль в «Безымянной птице».

Как только эта мысль возникла в его сознании, она словно вскрыла темную, заброшенную сторону его сердца. Оттуда непрерывно начала сочиться черная гниль, которая медленно, но верно отравляла свежую кровь, пока он не почувствовал, что больше не может дышать.

Придя в себя, Ши Цзянь ощутил лишь всепоглощающую вину.

Вину перед Пэн Шу.

У него не должно было быть таких мыслей. Жизнь Пэн Шу не должна была быть обесценена, она не могла считаться какой-то ошибкой, которую можно просто стереть из памяти или легко исправить.

Но Пэн Шу...

Ши Цзянь был готов пожертвовать всем, что у него есть, ради Пэн Шу, но Чу Юнь не был ему в этом должен.

В ту ночь Ши Цзянь так и не дождался возвращения Чу Юня. Это был первый раз, когда Чу Юнь находился в резиденции Чжоуинь, но при этом не спал с Ши Цзянем.

Тогда Ши Цзянь подумал, что он всё-таки совершил роковую ошибку и окончательно всё испортил.

Он встал с кровати и медленно подошел к окну. Шторы были раздвинуты, и он долго смотрел на огни, горящие в поместье и освещающие темные силуэты деревьев вдалеке. И именно там он увидел крошечный огонек, который внезапно вспыхнул и тут же погас между пальцев Чу Юня.

Ши Цзянь хранил молчание.

Всё, что он получил в этой жизни, было даровано ему этим лицом, а теперь это же лицо принесло Чу Юню огромные неприятности. Он был неправ, катастрофически и безнадежно неправ.

Прости, - хотел он сказать Чу Юню.

Но Чу Юнь так и не вернулся в ту ночь.

- Неужели я должен радоваться?

Голос Чу Юня вырвал Ши Цзяня из раздумий. Он на мгновение отвлекся, не совсем понимая, о чем именно говорит собеседник.

- В конце концов, сейчас ты - истинное лицо киноискусства, ты находишься на самом пике своей славы.

Эти слова были острыми и тонкими, словно кончик стальной иглы, вонзающийся прямо в сердце.

Ши Цзянь опомнился и тихо произнес:

- Я не знал, что всё так получится...

- Не знал? - перебил его Чу Юнь. Его тон был ледяным, пропитанным густым, почти осязаемым сарказмом. - Ты сейчас притворяешься невинным или просто строишь из себя дурачка?

Ши Цзянь не стал пытаться оправдываться, лишь тихо, почти смиренно, ответил:

- Прости, я не думал об этом так много. Я просто... думал, что это всего лишь работа.

Да, всё было именно так просто.

Он воспринимал актерство исключительно как работу, как определенное занятие, которое позволяло ему изо дня в день жить в мире Чу Юня, не погружаясь в пугающее беспмятство.

Взгляд Чу Юня стал еще холоднее:

- Работа? Тебе настолько нравится чувствовать себя использованным?

Использованным...

Ши Цзянь не понимал, о чем он говорит. Он не знал, кто именно его использует и есть ли в нем вообще что-то полезное, что могло бы заинтересовать другого человека.

Единственным его предназначением, как он считал, было ублажать Чу Юня. Но даже с этим он умудрился не справиться и всё испортить.

- Прости...

- Ты можешь сказать что-то еще, кроме этого слова?

Чу Юнь в гневе резко поднялся с дивана. Он перестал смотреть на Ши Цзяня и стремительно направился к лестнице.

- Продолжай наслаждаться своим триумфом. В конце концов, не каждый может стать самым ценным товаром в глазах Чу Хуан.

На лестнице эхом отозвались его тяжелые шаги. Ши Цзянь остался стоять на месте, неподвижно глядя на то, как спина Чу Юня исчезает в пролете на второй этаж.

Он также не понимал, какое отношение ко всему этому имеет госпожа Чу; никто до этого момента не говорил ему об этом.

Дверь спальни с грохотом захлопнулась. Ши Цзянь, который следовал за Чу Юнем, вздрогнул от этого громкого звука и остановился, но вскоре всё же продолжил свой путь.

Он тихо, почти невесомо, постучал в дверь.

Теперь человеку, желающему войти в собственную спальню, приходилось проявлять крайнюю осторожность.

В темноте комнаты Чу Юнь смотрел на дверное полотно, и на его губах застыла молчаливая, горькая усмешка. Когда в комнате воцарилась абсолютная тишина, в голове Чу Юня зазвучали бесчисленные голоса, переплетаясь с мыслями о том, что ему предстоит сейчас сделать.

Дверь всё же открылась.

Тонкий луч света проник внутрь, и с того места, где замер Ши Цзянь, можно было разглядеть силуэт человека, сидящего на диване.

Он не знал, стоит ли включать свет, поэтому лишь в нерешительности, медленно, подошел ближе. Он хотел спросить, что именно нужно сделать, чтобы избавиться от всех тех неприятностей, которые возникли из-за него.

- Чу Юнь, ты...

Речь оборвалась в тот самый момент, когда его резко дернули на себя. Ши Цзянь опустился на одно колено на диван, едва успев удержать равновесие, чтобы не упасть всем телом на Чу Юня.

- Я сполна настрадался из-за твоей прихоти, - Чу Юнь наклонил голову и с силой прикусил его за ухо, а затем зло, с надрывом, добавил: - Пора бы мне что-то вернуть себе, не так ли?

Ши Цзянь покорно склонил голову, обхватил ладонью руку Чу Юня и приложился к ней мягким, трепетным поцелуем.

Вскоре Чу Юнь сменил этот жест на грубый и требовательный.

Они уже сплелись воедино, и звуки их сбитого дыхания в тишине комнаты казались пугающе громкими.

Ши Цзянь склонился еще ниже, обхватил лицо партнера обеими ладонями, целуя его - сначала в губы, а затем всё ниже и ниже. Каждый его поцелуй был безмолвной мольбой о прощении, поэтому они были особенно благоговейными и нежными.

Скользя губами вдоль холодного бриллиантового ожерелья, Ши Цзянь медленно расстегивал пуговицу за пуговицей на рубашке, слушая тяжелое, прерывистое дыхание и сбивчивый стук сердца, и глядя, как белая кожа груди постепенно окрашивается в яркие, лихорадочные тона.

- Быстрее... еще быстрее...

Конечно.

Ши Цзянь всегда был самым послушным и покорным возлюбленным Чу Юня, исполняя любое его желание без единого вопроса.

Он с пугающим рвением играл роль человека, который любит Чу Юня больше всех на свете, и погрузился в этот образ настолько глубоко, что теперь уже не мог, да и не хотел из него выбираться.

Обнимая Чу Юня, они снова и снова повторяли свои ритмичные движения, сплетаясь в экстазе, который обрушился на них, подобно проливному летнему дождю. Они двигались так стремительно и неистово, что человек, висевший на нем, едва успевал хватать ртом воздух, почти задыхаясь от этого напора.

Так продолжалось до тех пор, пока Чу Юнь не вцепился пальцами в его плечи... запрокинув подбородок, напрягая каждую жилку на шее и широко открыв глаза, в которых блестели непролитые слезы... он принимал всё, что Ши Цзянь был готов ему дать, совершенно не в силах сопротивляться этой стихии.

В тот самый момент, когда Чу Юнь, окончательно обессилив, терял контроль над собой, Ши Цзянь нежно поцеловал его напряженную, тяжело вздымающуюся грудь.

И всё же, пока тот был полностью погружен в свои ощущения и еще не успел прийти в себя, Ши Цзянь едва слышно прошептал ему на ухо:

- Прости.

Чу Хуан сдержала свое обещание, и медиа-корпорация Редженс Медиа незамедлительно запустила мощный механизм комплексного реагирования.

В кратчайшие сроки было выпущено официальное и предельно жесткое заявление: «С самого первого дня своей карьеры Ши Цзянь всегда строго придерживался высочайших профессиональных стандартов. У него никогда не было никаких психических расстройств, и мы намерены решительно противостоять любым нападкам, имеющим целью порочить его репутацию».

После этого адвокатские запросы и требования об удалении порочащих материалов посыпались на обидчиков, словно первый зимний снег.

Следом за этим в сеть быстро опубликовали множество эксклюзивных закадровых материалов

со съемок фильма «Безымянная птица», что вызвало мгновенный и в подовляющем большинстве положительный отклик у публики. Многие влиятельные фигуры в индустрии кино, одна за другой, открыто выступили в его поддержку.

Бывшая коллега по агентству Хун Лин также выложила в сеть видео, снятое очень давно: на нем Ши Цзянь усердно тренировал свои реплики, стоя перед деревьями на территории компании. Временная метка четко показывала, что запись была сделана задолго до официального запуска проекта «Безымянная птица».

Это стало неоспоримым доказательством того, что такой специфический стиль игры был его естественным, врожденным методом работы над ролью.

«Я же говорила, что как только у тебя появится шанс сняться в настоящем кино, ты обязательно станешь звездой. @Ши Цзянь»

Хун Лин не поздравила его, когда он получил свою заслуженную награду, но именно сейчас, в самый острый и критический момент, она встала на его защиту, что значительно смягчило общественное мнение.

Благодаря поддержке известных личностей из самых разных сфер, ситуация постепенно начала стабилизироваться.

- Дай интервью, - таким был окончательный и не обсуждаемый вердикт Чу Хуан.

Ши Цзяня подталкивали вперед шаг за шагом, и теперь пути назад уже не было.

Его пригласили в популярное ток-шоу, которое славилось своими бескомпромиссными и острыми вопросами. Более того, это была прямая трансляция на всю страну.

После кратких, формальных поздравлений ведущий перешел к делу и задал первый, весьма колкий вопрос:

- Однако внешний мир называет ваш метод полного погружения в роль «саморазрушительной игрой». Что вы об этом думаете?

Ши Цзянь поднял глаза на собеседника, выглядя, как и всегда, абсолютно спокойным:

- Я никогда не чувствовал, что приношу какую-то жертву или страдаю. Думаю, что эта «критика», основанная на искреннем беспокойстве обо мне, вовсе не злонамеренна, но, прежде всего...

Он сделал короткую паузу, обдумывая слова:

- Чтобы это называлось «жертвой», я должен быть в итоге «разрушен», не так ли?

Ведущий понимающе улыбнулся, заинтригованный ответом:

- Какие же трудности доставил вам такой метод игры на практике?

- Я выбрал его, потому что только так можно по-настоящему приблизиться к самой сути, к душе персонажа, почувствовать всю их печаль и всю их радость, - Ши Цзянь на мгновение выглядел растерянным, словно пытался подобрать верные слова. - Персонажи - это люди, созданные на основе реальных людей. Таких, как вы, или таких, как я. Кажется, нам не нужно использовать заранее спланированные техники, чтобы просто жить. Я просто живу как «человек» и в кино, и вне его, и это не доставило мне никаких проблем.

- Но не ставит ли такая тотальная самоотдача вас перед серьезным риском потери собственного «я»?

Этот вопрос для Ши Цзяня действительно оказался сложным.

- Собственное «я»? - он задумался. - Или, скажем так... актер никогда не сможет вернуться в исходную точку. Я сыграл Пэн Шу, поэтому теперь не могу притворяться, что никогда не проживал его жизнь. Я не буду избегать чувств, которые испытал, будь то невыносимая боль или мимолетная радость.

Он опустил глаза и едва заметно улыбнулся:

- Я прекрасно понимаю, какой образ жизни выбрал. На самом деле, я даже не совсем понимаю...

Он выглядел немного озадаченным, искренне не понимая логики окружающих.

- Если опыт проживания роли для меня - это единственное спасение моей скудной и пресной жизни, то те, кто так рьяно хочет вытащить меня из этой игры, не пытаются ли они, по сути, столкнуть меня в бездну?

Он действительно не понимал. Почему у людей так много рвения распоряжаться чужими жизнями, навязывая свои представления о норме?

Проживание роли было подобно камешку, упавшему в глубокий старый колодец жизни Ши Цзяня, взбудоражившему его посредственное и бесконечно скучное существование. Те боль и тот крах, которые он чувствовал через Пэн Шу, для самого Ши Цзяня вовсе не были настоящими страданиями.

Возможно, это действительно выглядело «нездорово» в глазах окружающих, но почему он не может просто быть собой? Почему он обязательно должен двигаться в сторону зоны комфорта, приемлемой для большинства?

Стоять в безликой толпе, жить, как все, быть обычным среди людей - для Ши Цзяня это было сродни настоящему аду.

- Мне, возможно, потребуется некоторое время, чтобы окончательно попрощаться с персонажем, но это мой собственный, осознанный выбор. Я просто уважаю каждую жизнь, которую мне довелось воплотить.

Будь то Тун Хуа или Пэн Шу, для него они были равны.

Он четко осознавал, кого именно играет, и те редкие моменты путаницы, которые случались, были не ошибкой метода игры, а следствием того, что он был болен уже очень давно. Это не актерство причинило ему вред, и уж точно не персонажи.

С определенной точки зрения, этот способ жить за других людей фактически спас Ши Цзяня. Он позволял другому человеку внутри его тела поддерживать его собственную жизнь. Когда Ши Цзянь хотел окончательно сдаться, внутри него оставался хотя бы Тун Хуа... И он чувствовал, что должен защитить его ради Чу Юня.

Ведущий долго и внимательно смотрел на него, прежде чем задать следующий вопрос:

- Что вы хотите, чтобы зрители почувствовали, глядя на вашу игру?

Ши Цзянь не ответил сразу. Он слегка опустил взгляд, и в его памяти внезапно всплыл Гент и те слова, которые когда-то сказал ему Чу Юнь.

- Я хочу, чтобы они почувствовали правдивость персонажа.

- Что именно вы подразумеваете под этой правдивостью? - уточнил ведущий.

- Что угодно. Возможно, глубокое одиночество, острую боль, те хрупкие и интимные моменты, которые переживает каждый из нас, но о которых никогда не может сказать вслух, - спокойно ответил он. - Но в то же время я хочу, чтобы зрители знали: эти чувства не страшны, от них не нужно бежать.

- Если бы вы могли сказать всем зрителям всего одну фразу, что бы это было?

- Скажите, куда мне смотреть, чтобы зрители видели мои глаза?

Этот неожиданный вопрос Ши Цзяня на мгновение озадачил ведущего, но тот быстро сориентировался и указал ему направление на камеру.

- Спасибо.

Получив указание, Ши Цзянь серьезно и пристально посмотрел прямо в объектив:

- Актерство - лишь естественная мелочь в моей жизни. Мне не обязательно сниматься в кино, я не горжусь званием «кинозвезды», а «внезапная слава» для меня не имеет абсолютно никакого смысла.

Этого не было в согласованном сценарии интервью.

В аппаратной управления эфиром воздух словно застыл. Чу Юнь, наблюдавший за происходящим, медленно поднял голову.

На съемочной площадке ведущий после секундного замешательства быстро пришел в себя, осознав, что эта тема неожиданно стала очень интересной, и тут же спросил:

- Это ваши искренние мысли?

- Да, - подтвердил Ши Цзянь.

- Неважно, злоба это или критика, эти люди не знают меня по-настоящему, поэтому они не могут причинить мне вреда. На самом деле, у меня нет такого права, но я всё же хочу сказать всем друзьям, которые сейчас пытаются мне помочь... - Ши Цзянь уставился в объектив.

Он перестал замечать людей вокруг, шум студии и свет софитов; весь мир сузился до этого маленького стеклянного круга. Сквозь черную линзу он смотрел на всех и каждого.

- Не грустите из-за меня и, тем более, не делайте ничего ради меня. Как и сегодня, когда я сижу здесь: самый сильный ответ на любую злобу - это просто показать им, что я в порядке. Если можете, пожалуйста, живите своей собственной жизнью.

Он никак не мог понять, почему есть люди, которые любят его только из-за роли. Он не считал себя тем человеком, которого стоит любить, и считал, что любовь к фильму или персонажу не должна проецироваться на его личность.

В этой последней фразе Ши Цзянь хотел сказать, что у него самого больше нет шансов на обычное счастье, что это та жизнь, которую он выбрал и которую принял.

Но они всё же должны...

- Любите тех, кто сейчас находится рядом с вами и кто искренне любит вас, - добавил он тихо.
- Это самое важное.

<http://bllate.org/book/17941/1720613>